

СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ: ТЕНДЕНЦИИ НАЧАЛА ХХІ ВЕКА¹

1. Организация литературно-поэтического процесса

Нынешнее время переживает расцвет русской поэзии, причем в самых разных городах – в Саратове и Тамбове, Киеве и Днепропетровске, Харькове и Перми, Нью-Йорке и Хельсинки, Екатеринбурге и Берлине, Воронеже и Новосибирске, Липецке и Владивостоке...

Осознать в полной мере это можно будет, на мой взгляд, только спустя годы. К сожалению, в настоящий момент не разработаны критерии оценки современного поэтического текста – они откровенно субъективны (в том числе, вероятно, и у автора этой статьи). Более того – аналитические материалы о современной поэзии в толстых журналах появляются крайне редко. Немногочисленные статьи Евгении Вежлян, Владимира Губайловского, Евгения Сидорова, Анны Кузнецовой, Леонида Костюкова и некоторых других исследователей не меняют ситуацию кардинальным образом. Критический анализ современного поэтического пространства переместился в лучшем случае в область научных и справочно-библиографических монографий (Сергей Бирюков, Наталья Фатеева, Юрий Орлицкий, Сергей Чупринин, Игорь Шайтанов) и предисловий к крупным антологиям и сборникам (Вадим Перельмутер, Дмитрий Кузьмин, Илья Кукулин, Данила Давыдов), а в худшем – в литературно-журнальную рг-публицистику.

В настоящий момент мы со всей очевидностью наблюдаем локальные референтные сообщества, которые пропагандируют определенные литературные группы. В литературном цехе подавляющее большинство критиков – поэты, причем, поэты, одаренные, имеющие ярко выраженные пристрастия и зачастую недюжинные организаторские способности, т.е. это люди, формирующие общественное мнение, формирующие его в связи с собственными представлениями о поэзии (что естественно) и в связи с собственной версификационной практикой (что тоже естественно). Однако говорить в таком случае об объективности исследователя, на мой взгляд, не всегда правомочно.

Критиков, регулярно и систематически пишущих о поэзии и не пишущих (не публикующих) стихи, можно перечислить на пальцах. Лев Аннинский, Роман Арбитман, Николай Богомолов, Павел Крючков, Владислав Кулаков, Алла Марченко, Андрей Немзер, Владимир Новиков, Наталья Иванова, Анна Сафронова, Елена Трофимова, Сергей Чупринин. Кто еще?

¹ Дети Ра. 2008. №9 (47)

В основном же поэты, будем объективны, взяли критическое ремесло в свои натруженные руки. Назовем (в алфавитном порядке) наиболее заметных и талантливых – Михаил Айзенберг, Алексей Алехин, Сергей Арутюнов, Андрей Василевский, Евгения Вежлян, Людмила Вязмитинова, Дмитрий Бак, Мария Бондаренко, Александр Бараш, Дмитрий Быков, Мария Галина, Анна Глазова, Ирина Горюнова, Татьяна Грауз, Фаина Гринберг, Татьяна Бонч-Осмоловская, Сергей Бирюков, Владимир Губайловский, Данила Давыдов, Сергей Завьялов, Сергей Казначеев, Елена Кацюба, Константин Кедров, Андрей Коровин, Леонид Костюков, Кирилл Ковальджи, Геннадий Красников, Анна Кузнецова, Илья Кукулин, Дмитрий Кузьмин, Виктор Куллэ, Максим Лаврентьев, Станислав Львовский, Евгений Лесин, Арсен Мирзаев, Юрий Орлицкий, Алексей Парщиков, Вадим Перельмутер, Кира Сапгир, Ольга Седакова, Евгения Свитнева (Доброва), Евгений В. Харитонов, Бахыт Кенжеев, Юрий Кублановский, Юрий Милорава, Арсен Мирзаев, Дарья Суховой, Дмитрий Тонконогов, Илья Фаликов, Наталья Фатеева, Сергей Цеплаков, Андрей Щербак-Жуков, Аркадий Штыпель (он даже о самом себе статью опубликовал!), список можно продолжать и продолжать.

Плохо ли, что талантливые поэты пишут рецензии и критические статьи? Конечно, не плохо. Речь о другом. О том, что литературное сообщество и читающая аудитория нуждаются в беспристрастных критиках-филологах, стоящих над схваткой, абстрагирующих от литературной ситуации, личных симпатий/антипатий, собственных (даже самых искренних!) представлений о поэзии, нуждаются в неангажированных литературтреггерах и, может быть, прежде всего, в прозорливых издателях. В так называемую «застойную» эпоху, как показало время, такие издатели были.

В неподцензурной литературе тогда работали уникально (именно так!) одаренные люди, соединяющие в себе недюжинный поэтический талант и выдающиеся организаторские (а также технические) способности – Константин К. Кузьминский, Владимир Эрль, Борис Тайгин и некоторые другие.

Именно эти подвижники (отнюдь не только редакторы официальных изданий, чье значение, впрочем, тоже велико, так как во времена «застоя» в цензурированной литературе печатались и Борис Слуцкий, и Ксения Некрасова, и Владимир Соколов, и другие подлинные поэты) в полной мере оценили дарования своих собратьев по перу и фактически расставили приоритеты в русской поэзии на десятилетия вперед. Например, Константин К. Кузьминский составил при участии Григория Ковалева не только легендарную Антологию «У Голубой Лагуны», но и напечатал машинописным образом (вместе с Борисом Тайгиным) первые книги таких разноплановых поэтов, как Иосиф Бродский, Михаил Ерёмин, Дмитрий Бобышев, Николай Рубцов, Станислав Красовицкий, Евгений Рейн, Генрих Сапгир, Игорь Холин. Борис Тайгин за сорок лет в своем подпольном издательстве «Бэ – Та» выпустил более 150 поэтических книг в том числе

сборники Геннадия Алексеева, Беллы Ахмадулиной, Владимира Корнилова, Виктора Сосноры и многих-многих других. Владимир Эрль под маркой издательства «Польза» издал с 1965 по 1970 годы 70 книг, а в издательстве «Палата мер и весов» – 30 сборников¹.

Поэты, пропагандируемые самиздатовскими издателями, стали впоследствии гордостью отечественной культуры.

Издатели проявили себя и как эксперты.

Кто окажется истинным экспертом нынешней литературной эпохи?

Кто окажется наиболее прозорливым критиком и литературтрегером?

Ответы на эти вопросы даст время.

При всех очевидных различиях, нынешняя и «застойная» эпохи (с точки зрения организации литературно-поэтического процесса) имеют много общего.

Сейчас, как и в прежнее время, в литературе существуют свои номенклатурные издания (и авторы) и свой самиздат. К номенклатуре, которая живет по своим законам, я бы отнес издания, входящие в сообщество «Журнальный зал», издания, получающие государственные дотации (они по-прежнему существуют), а к самиздату – своекоштные журналы, издающиеся нерегулярно близкими по духу литераторами («Журнал поэтов», «Акт. Литературный самиздат», «Словолов», «Орфей», «Василиск», Интернет-издания «TextOnly», «Другое полушарие»).

Где печатаются более яркие и современные стихи? В «Новом мире», входящем, разумеется, в «Журнальный зал», или в питерском журнале «Акт. Литературный самиздат», который издают тиражом 126 экземпляров ветераны неподцензурной литературы, поэты Тамара Буковская и Валерий Мишин? Мною было произведено доморощенное социологическое исследование среди своих знакомых литераторов. Мнения разделились – 50 на 50.

А если бы «Акт» входил в «ЖЗ»?!

Перемены, произошедшие в стране и связанные с кардинальной сменой общественно-экономической формации, затронули поэтическое сообщество, как это ни парадоксально, лишь в малой мере. Главное (а по сути, и единственное) различие между литературным процессом эпохи «застоя» и нынешним временем является наличие Интернета. Интернета как инструмента сохранения и тиражирования рукописи. То есть изменилось техническое средство сохранения рукописи, но отнюдь не отношение к ней. По сути – из догутенберговской эпохи мы сразу перепрыгнули в пост-гутенберговскую. Из сам/там-издата – в Сеть.

Однако Интернет Интернету рознь. Одно дело – иметь собственную (мало посещаемую, фактически самиздатовскую!) WEB-страничку, другое – стать участником большого портала.

1. Подробнее об этом см. в книге «Самиздат Ленинграда. 1950-е – 1980-е. Литературная энциклопедия / Под общей редакцией Д. Северюхина. Авторы-составители: В. Долинин, Б. Иванов, Б. Останин, Д. Северюхин. – М.: Новое литературное обозрение, 2003.

Тенденции глобализации коснулись и литературного процесса, который активно перемещается во всемирную паутину. В частности, огромное влияние на литературную погоду в настоящий момент оказывает Интернет-портал «Журнальный зал». В этом медиа-гиганте объединены многие толстые журналы, печатающие (в том числе) и стихи – «Арион», «Новый мир», «Крещатик», «Октябрь», «Дружба народов», «Сибирские огни», «НЛО», «Иностранная литература», «Дети Ра», «Волга-XXI век», «Новый берег» и другие.

«ЖЗ» – масштабное электронное хранилище отечественной литературы, репрезентативно представляющее тенденции русской изящной словесности, в том числе и в поэзии. Включив в свои ряды, например, такие частные издания, как «Крещатик» и «Дети Ра», «ЖЗ» открыл дополнительные возможности для легитимизации целого ряда непризнанных «толстожурнальным» мейнстримом поэтов. «ЖЗ» сократил очереди на публикации, фактически оздоровив литературный процесс – теперь поэтам не надо ждать годами новой публикации, ведь число изданий, входящих в престижный портал, увеличилось.

«ЖЗ» мог бы стать, на мой взгляд, и более успешным – грандиозным! – проектом, если бы пошел на дальнейшее расширение своих сплоченных рядов. К сожалению, до сих пор в «ЖЗ» не входят лучшие, на мой взгляд, журналы поэзии (пусть и не толстые) – уже упоминающийся мною «Акт. Литературный самиздат» (редакторы Тамара Буковская и Валерий Мишин) и выходящий двадцать (!) лет «Журнал поэтов» (редакторы Константин Кедров и Елена Кацюба). Не приглашены в «ЖЗ» и такие, безусловно, значимые издания, как «Москва», «Юность», «Воздух», «Литературная учеба», «Словолов», «Орфей», «Василиск», «Меценат и мир», «Российский колокол» и многие другие.

Журналов, ориентированных исключительно на поэзию, в «ЖЗ» только три – «Арион», «Интерпоэзия» и «Дети Ра». Это на всю страну, на весь русскоязычный мир! Конечно же, этого недостаточно. Другой крупный медиа-портал «Новая литературная карта» также заслуживает пристального внимания. Попытка структурировать литературное пространство по географическому признаку, безусловно, важна и полезна, но в этом деле нужна колоссальная осведомленность (иначе данные безнадёжно устаревают) и благородная и квалифицированная исследовательская беспристрастность, чего у создателей «Новой литературной карты», на мой субъективный взгляд, нет. У них – явная политика двойных стандартов. В результате замалчиваемы оказываются далеко не худшие, по моим представлениям, издания – Интернет-журнал «Другое полушарие», журналы «Орфей», «Футурум АРТ», альманах «День поэзии» и многие-многие другие. Об этом я подробнее писал в «Детях Ра», № 8, 2008.

Словом, говорить об объективности современного литературно-поэтического процесса пока преждевременно, как было бессмысленно оценивать подлинные достижения в литературе во время «застоя», когда

одни из лучших поэтов эпохи Георгий Оболдуев и Леонид Губанов напечатали по одному взрослому стихотворению. А Валентин Ярыгин – ни одного.

Однако бесспорно, что в настоящий момент идет интенсивное создание эмпирической базы – поэты разных направлений и стилей печатаются в журналах, антологиях, Интернет-изданиях и т.д. Нынешнее время – это время собирать «камни», сохранять то, что есть, обратить в короткой аннотации внимание на то, что опубликовано. Подготовить «почву» для будущих исследователей.

Не случайно самые популярные рубрики в журналах «Новый мир» и «Знамя» – это «Библиографические листки» (ведущие Андрей Василевский и Павел Крючков) и «Ни дня без книги» (Анна Кузнецова). См. об этом социологическое исследование журнала «Дети Ра»¹.

Важнейшие культурологические проекты современности – составление библиографической описи поэтических книг «Стихи Миллениума» (Евгений В. Харитонов), рубрика «Хроника поэтического книгоиздания в аннотациях и цитатах» (Данила Давыдов на страницах журнала «Воздух»), сохранение на Интернет-ресурсе www.vavilon.ru поэтических книг в полном объеме. Сложно говорить об объективности выбора Д. Давыдова и Д. Кузьмина – у них свой взгляд на поэзию, который они годами отстаивают и который мне представляется далеко не всегда верным. Однако важно, что они сохраняют многое из того, что есть. Метод Е. В. Харитонova менее оценочен – он фиксирует в с е без исключения поэтические сборники, вышедшие после 2000-го года. Видимо, отдавая себе отчет в том, что истинное понимание происходящего сейчас в поэзии придет, как мы уже говорили, значительно позднее.

2. Творческие аспекты: «традиционалисты» и «авангардисты»

Важнейшая особенность нынешнего времени – очень высокий уровень поэзии российских регионов и не выведенной в мейнстрим поэзии столичных городов.

В настоящее время в нашей стране работают десятки первоклассных поэтов, пишущих силлабо-тонические стихи, и, к сожалению, обделенных вниманием критики и литературоведения, да и просто нечасто встречающихся в исконной «толстожурнальной» печати. Назову только несколько имен – Юрий Асланьян (Пермь), Николай Буторин (Санкт-Петербург), Александр Бугров (Кострома), Андрей Власов (Великие Луки), Владислав Дрожащих (Пермь), Игорь Галеев (Москва), Янис Грантс (Пермь), Всеволод Емелин (Москва), Сергей Зубарев (Липецк), Сергей Ивкин (Екатеринбург), Евгений Лесин (Москва), Слава Лён (Москва), Борис Марковский (Германия), Антон Нечаев (Красноярск), Анна Павловская (Минск-Москва), Геннадий Прашкевич (Новосибирск), Валерий Прокошин

¹ «Дети Ра», № 6, 2008.

(Обнинск, Калужская область), Игорь Панин (Москва), Евгений Реутов (Москва), Александр Федулов (Тамбов-Москва), Феликс Чечик (Израиль), Владимир Ярцев (Новосибирск).

Любопытный факт: ни одно из этих имен не попало в поле зрения опытного критика Евгения Сидорова, опубликовавшего интересную и обстоятельную статью «Поэзия как диагноз»¹ в «Знамени». Это не говорит о том, что список Сидорова не правильный, а всего лишь о том, что списков на сегодняшний день много. Современная поэзия работает избыточно, что позволяет говорить о кризисе «перепроизводства».

Перечисленные мной поэты при должном внимании к ним могли бы войти в первый ряд отечественной изящной словесности. Однако роли мейнстримовских («номенклатурных») авторов на сегодня распределены и на слуху другие имена, которые, надо заметить, легко заменимы, что, возможно, и произойдет в ближайшие годы.

Названные мной поэты работают, как мы уже говорили, в классической силлабо-тонической манере, хотя и не теряют интереса к определенным формальным экспериментам.

Опираясь на лучшие российские (советские) стихотворные традиции середины и конца прошлого века (Борис Слуцкий, Александр Межиров, Аркадий Кутилов, Александр Ханьжов, Олег Григорьев), они ужесточили черты современной просодии, в их стихах появились максимально густая плотность, усиленная аллитерационными возможностями, максимум просторечной, бытовой и даже обценной лексики. Это поэзия жесткая, нелицеприятная, зачастую граничащая с физиологическим очерком. Лексический ряд изобилует такими словами, как тоска, смерть, гроб и т.д., что в советских литературных журналах встречалось гораздо реже. Изменилась жизнь изменились стихи. Поэты, как зеркала (штамп тут неизбежен), отражают то, что есть.

Анна Павловская описывает жизнь современного московского гастарбайтера²:

Мне муторно от страха,
Тупая боль в глазах.
Луна – как черепаха
В холодных небесах.
И темнота, и крыши,
Как плахи... Страшный Суд.
Опять придут бесстыже
И паспорт заберут.
И скажут, забирая:
«На все тебе три дня»...
Москва моя родная,
За что ты так меня?!

1 Евгений Сидоров, «Знамя», № 12, 2007.

2 Анна Павловская, «Интерпоэзия» № 3, 2007.

Феликс Чечик не скрывает тотального минорного настроения¹:

То ли снег, то ли пух тополиный.
Мягко стелит, да холодно спать.
Приползу на карачках с повинной.
Нет прощения. Мне ли не знать.
Снег растаял со скоростью пуха.
Отчего же не стало теплей?
Затянулась моя невезуха,
затянулась на шее твоей.

Игорь Галеев оплакивает сгоревшие «за спиною мосты»²:

зачем-то играем мы оба,
горят за спиною мосты
и хлопают крышкою гроба,
но мне улыбаешься ты.
играем с тобою мы оба,
и в страстном забвении ты,
моя дорогая зазноба,
моей тошнотворной мечты.
безбожно фальшивим мы оба –
на фоне пришедшей зимы,
на сцене большого сугроба,
под тусклым презреньем Луны.

Интересна рифменная система вышеупомянутых авторов – она, как правило, строга, перекрестна (abab), стихотворные метры (размеры) в произведениях выдержаны, раешные вольности допускаются крайне редко. Иначе и не может быть при таком взгляде на жизнь (такой жизни). Трагическое ощущение мироздания – основной лейтмотив этих поэтов, зачастую прячущихся за маской иронии, гротеска и брутального сарказма. Они постоянно напоминают себе и нам, читателям, о бренности и даже абсурдности бытия, о том, как быстро и безжалостно замыкается «ближний круг». Их речь – прямая, без экивоков, синтаксически простая, что граничит их манеру с добротной прозой.

Одно из самых суггестивных произведений последних лет – поэма Валерия Прокошина «Выпускной-77»³, написанная свободным стихом. В поэме без лишних красот и версификационных изысков рассказывается о судьбах учеников простой советской школы. Кто-то из них спился и стал бомжом, кто-то погиб в Афганистане, кто-то – в автокатастрофе, кто-то покончил жизнь самоубийством и т.д. Показана реальная жизнь, не приукрашенная лозунгами и гутаперчивым ТВ.

Вовка Осадчий – один в один похожий на Юрия Антонова
за которым табунами бегали девочки из параллельных классов
спился и умер пару лет назад

1 Феликс Чечик, «Интерпоэзия», № 2, 2007.

2 Игорь Галеев, «Футурум АРТ», № 1-2, 2007.

3 Валерий Прокошин, «Дети Ра», № 5-6, 2007.

Зина Шведова – спилась и умерла в 38
Тимоха Ганин – спился и умер
Олечка Зайченко – спилась и умерла
Саша Никитин – спился и умер

Современные поэты искусственно поделены на так называемых традиционалистов и авангардистов. Это разделение происходит, прежде всего, из-за неких идеологических табу и путаницы в терминологии. В настоящее время к авангардистам ошибочно относят авторов, работающих в так называемой комбинаторной манере (визуальная поэзия, палиндромия, анаграмматическое письмо, брахиколон, однострок и т.д.). Между тем, перечисленным жанрам не десятки, а сотни лет (См. об этом, например, исследования С. Бирюкова и Т. Бонч-Осмоловской)¹.

Палиндромы писали классики русской поэзии Гавриил Державин, Валерий Брюсов, Велимир Хлебников, Илья Сельвинский, Семен Кирсанов, в жанре визуальной поэзии творили Симеон Полоцкий, Александр Сумароков, Гавриил Державин, Алексей Апухтин, Валерий Брюсов, Василий Каменский и многие другие. Мастерами анаграммы были Владимир Маяковский и Давид Бурлюк.

Нынешние поэты, наследующие перечисленным классикам, развивают давние традиции отечественной изящной словесности. Это тоже поэты-традиционалисты. Все дело только в том, что традиции в великой русской поэзии разные – их просто надо знать.

Можно назвать таких талантливых авторов, работающих в комбинаторной манере, как Айвенго, Лайла Арсанова, Павел Байков, Максим Бородин (Украина), Лоренс Блинов, Николай Грицанчук, Борис Гринберг, Павел Байков, Сергей Бирюков (Германия), Георгий Жердев, Анна Золотарева, Арт. Иванов, Арсен Мирзаев, Елена Кацюба, Константин Кедров, Валерий Кислов, Елена Круглова, Михаил Кузьмин, Михаил Нержин (США), Ры Никонова (Германия), Евгений В. Харитоновъ, Ольга Зикрата (Великобритания), Сергей Сигей (Германия), Дарья Суховой, Валерий Шерстяной (Германия), Ильдар Харисов (Германия), Ия Эско и другие. Это поэты, препарирующие слово, ищущие и находящие тайные коды и смыслы в созвучиях, работающие с графикой стиха. Подлинных поэтов, работающих в данной традиции, конечно, не много. Важно уметь отличить мастеровитого ремесленника от художника. Мало написать стихотворение, которое одинаково читается слева направо и справа налево, важно, чтобы палиндром (даже однострочный) имел смысл, образ, музыкальное звучание. Предшественники нам оставили превосходные образцы. «Я иду с мечем судия» – писал Гавриил Державин в XVIII веке. «Дорого небо, да надобен огород» – выдохнул погибший в 2004 году Дмитрий Авалиани.

1 Сергей Бирюков, «РОКУ УКОР: Поэтические начала», М.: «Российск. Гуманит. ун-т, 2003; Т. Бонч-Осмоловская. Комбинаторное искусство. Статьи, <http://www.ashtray.ru/main/texts/experlit/expind.htm>

«Я и ты балет тела бытия»¹ – в настоящее время виртуозно шаманит словом Елена Кацюба, показывая образное, метафоричное мышление в жестких рамках классического перевертня. Замечательное стихотворение? Замечательное. Можно ли назвать его авангардным? Конечно, нет. Это удачная попытка развить давние (в том числе фольклорные) традиции. Авангард – это высокая поэзия в рамках нового версификационного приема.

Есть ли сейчас новые приемы?

Все больше и больше современных авторов пишут свободные стихи, которые постепенно стали появляться на страницах толстых журналов. «Новый мир», например, печатает верлибры Наталии Азаровой, Ивана Ахметьева, Андрея Василевского, Юрия Косаговского, Евгения В. Харитонов, покойного Геннадия Айги (кстати говоря, силлабо-тонические стихи Айги в переводах Давида Самойлова и Бориса Иринина «Новый мир» печатал еще в 1962 году), «Знамя» публикует Виктора Санчука и Евгения Сабурова. Выходят объемные антологии верлибра² (составитель Карен Джангиров), проходят фестивали свободного стиха и т.д. Однако верлибр верлибру рознь. Современный свободный стих претерпевает, на мой взгляд, существенный кризис – чаще всего он низведен до уровня плохой короткой прозы, разбитой непонятно почему на строки. Энергичный, спрессованный верлибр, усиленный элементами острания, встречаем у редких поэтов – Сергей Бирюков, Лоренс Блинов, Георгий Геннис, Татьяна Грауз, Николай Грицанчук, Ирина Добрушина, Ульяна Заворотинская, Павел Золкин, Елена Кацюба, Константин Кедров, Сергей Кромин, Михаил Кузьмин, Юрий Милорава, Александр Моцар, Илья Оганджанов, Елена Сазина и у некоторых других.

Хороший верлибр – это не плохая проза. Это то, что прозой пересказать затруднительно.

Стихи, например, Татьяны Грауз прозой не перескажешь.

из стольких волшебных букетов дерево смерти
у окраины сельского кладбища
дерево матери дышит псалмами
я только смотрю
как меж ветвей солнце встречается с гибелью сновидений
кора точно память
отшелушивается как глина с ладоней
истончается кожа
и прикасается
к синеве литургии
к тайне творения

1 Сайт www.futurum-art.ru.

2 «Антология русского верлибра» (составитель Карен Джангиров), М., «Прометей», 1991.

тайне завета последних прохладных ветвей¹

Если разобрать с филологической точки зрения этот верлибр, то мы увидим, какими разнообразными тропами пользуется автор. Тут и метафора (дерево матери дышит псалмами), и сравнения (кора точно память; как глина с ладоней), и главное: особое – поэтическое! – мироощущение. Очень характерно для современного литературного процесса творчество Георгия Генниса, выпустившего недавно книгу «Утро нового дня: Стихотворения 2002-2007 годов»² в библиотечке журнала «Воздух». Автор трезво оценивает свое творчество, например, цикл «Кроткер и сумерк» он справедливо называет рассказами. Это действительно рассказы, хотя они и разбиты на короткие строки.

Кроткер ежедневно размышлял о предстоящей смерти

Он просыпался и думал

КАК и КОГДА умрет

Долго ли будет мучиться...

(КРОТКЕР, СУМЕРК И КЛЕТЬ)

Как видим грань между рассказом и верлибром в данном случае условна, размыта, идет сознательная прозаизация текста, прозиметрия заявляет о своих правах.

Однако нередко вполне прозаический текст Генниса утяжелен поэтическими фигурами, и тогда рассказ, построенный по принципу острания, приобретает спрятанные в нем отчетливые черты поэтического дискурса.

У Геннадия Шпрота лопнула голова

(Извержение)

Геннадий Шпрот влюбился в новую люстру

(Люстра Люся)

На свалке они набрали на поэта –

лежал среди расползающейся вселенной хлама

пылко и шумно смердел

разлагался стихами

(Поэт).

Остранение, используемое автором в качестве развернутой метафоры, делает рассказы Георгия Генниса поэзией.

Как правило же, мы наблюдаем усредненный свободный (прозаизированный) стих, который к поэзии, конечно, отношения не имеет. Например, в 752-х страничной «Антологии русского верлибра» (составитель Карен Джангиров) опубликовано 360 авторов. Но все ли из них поэты? И на этот вопрос тоже ответит время. Только время.

1 Татьяна Грауз, «Крещатик», № 2, 2005.

2 Георгий Геннис, «Утро нового дня: Стихотворения 2002-2007 годов». М., АРГО-РИСК; Книжное обозрение; Книжный проект журнала «Воздух», вып. 24., 2007.